

ИЛЪЯ ТОЛЬКО ДАЛЫНИЙ
МАМАЕВ-НАЙЛЗ СВЕТ ФАР

Илья Мамаев-Найлз

Только дальний свет фар

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74596196

Илья Мамаев-Найлз. Только дальний свет фар: Polyandria NoAge;

Санкт-Петербург; 2026

ISBN 978-5-6054562-3-0

Аннотация

Ян и Кира познакомились на ее свадьбе – и рванули к морю в старом фургоне. Это могло бы стать началом романтической истории, но хаотичный маршрут не даст забытья. Автор точно улавливает интонацию поколения, которое продолжает вжимать в пол педаль газа, чтобы не признаваться себе, что давно сбилось с маршрута.

Содержит нецензурную лексику.

Содержание

1	5
2	38
3	71
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Илья Мамаев-Найлз

Только дальний свет фар

© Мамаев-Найлз И. С., 2026

© Оформление. ООО «Поляндрия Ноу Эйдж», 2026

1

Стекла запотели, и воздух был мокрым. Наверное, наступил тот час, когда на траве появляется роса. Кира положила ноги на бардачок, и ее колени закрыли боковое зеркало. Это раздражало Яна Трояновского километров сорок назад, но он ничего не сказал, потому что других машин не было, и ехал с этим раздражением, потом забыл, а теперь, посмотрев в боковое зеркало, вспомнил, но думал уже о другом.

Он думал о ногах. У Киры были странные ноги. Худые, длинные. Кривоватые. По-своему красивые. Просто странные. Ян представлял их другими и, глядя на реальные ноги, каждый раз удивлялся, что они не совпадают с образом в его голове.

– В детстве как-то раз зимой моя одноклассница стояла на остановке, ждала маршрутку, и тут к ней подошел какой-то дед, пнул ее под жопу и убежал.

Кира ждала продолжения, но Ян уставился на дорогу, как будто ничего и не сказал. Только качал головой и улыбался.

– Ага?..

– А? – спросил он.

– Дед пнул ее под жопу и убежал?

– Да, пнул под жопу и убежал.

– И?

– И все. Конец истории.

– И ты мне это рассказал зачем?

– Вспомнилось, не знаю. До сих пор не могу понять эту ситуацию. Дед видит школьницу на остановке, пинает ее под жопу и убегает. Зачем?

– Да просто больной.

– Понятно, что больной. Но зачем? Я не к тому, чтобы его осудить. Просто зачем?

– Понятия не имею. Та девочка нормально?

– Да-да, она была в пуховике, даже ничего не почувствовала, то есть я имею в виду – физически. Ее больше задела бессмысленность всей этой ситуации. Абсурд. Она, знаешь, когда это рассказывала, у нее на лице была какая-то вселенская злоба. Злоба на абсурд этой жизни.

– Я бы тоже разозлилась.

– Да, и я.

– Ты смеешься? – спросила Кира, видимо не веря своим глазам.

– Да. Помимо прочего все это очень смешно.

Вокруг до самого горизонта тянулись холмистые поля. Ветер свободно несся через них и ударял фургон сбоку, бросая его в сторону.

– Я не думаю, что это смешно, – сказала Кира.

– Потому что, типа, какой-то мужик обижает девочку, патриархат, мужики говно и все такое?

– Я что, похожа на феминистку?

Ян повернулся и оглядел Киру. Она была в коротких

джинсовых шортах и широкой рубашке с ярко-красными, желтыми и зелеными пятнами, взрывающимися на хлопке, как фейерверк. С головы до самых локтей тянулись густые черные кудри.

– Не знаю.

– Нет, не поэтому. Я просто не думаю, что это смешно. Видишь? Я не смеюсь. Мне от этого не смешно.

– Ладно, – сказал Ян. – Ладно. А от чего тебе смешно?

– Я люблю китайские анекдоты.

– Ни одного не знаю.

– Я знаю один.

– Расскажи.

– Сейчас, – сказала Кира и повернулась к окну, положив подбородок на большой палец. – Сейчас, – повторила она с полминуты спустя.

Полоска маршрута на навигаторе стала серой, и музыка перестала играть. Ян зашел в музыкальное приложение и включил загруженные песни. Кира до сих пор молчала.

– Ты создаешь завышенные ожидания.

– Короче, – начала Кира, – человек поднял голову и уставился на небо. Другие это увидели и тоже посмотрели наверх. Но там ничего не было.

Ян почувствовал взгляд Киры на лице. Она улыбалась.

– У человека просто потекла кровь из носа, – сказала она.

Было слышно дорогу под ногами. Колеса терлись об асфальт прямо под ступнями.

– Ага, – сказал Ян, – значит, от этого тебе смешно?

– Да.

– Ладно.

– Что? Тебе нет?

– Я бы так не сказал. В том смысле, что в этом что-то есть.

– Но?

– Но? Почему «но»? Я не говорил «но».

– Я вижу это на твоём лице. Оно все в форме одного большого «НО».

Ян взял телефон, включил фронтальную камеру и посмотрел на себя.

– Кажется, я понимаю, о чем ты, – сказал он. – Это забавно.

– Вернемся к китайским анекдотам.

– Так. Да, в этом что-то есть, но...

– Ха, я же говорила! Но!

– ...но, – сказал Ян громко, – от этого не хочется смеяться.

И еще – в этом есть что-то грустное. Пронзительное. Мне забавно и грустно. Прикольный так-то анекдот.

– Я хохотала, когда впервые его слышала.

Ян отглотнул кофе и помурлыжил его между щек прежде, чем глотнуть.

– Я могу это понять, – сказал он и вернул стакан кофе в подстаканник.

Через несколько часов стало душно, и дорога казалась Ки-

ре чуть длиннее, чем бесконечность. Задние кресла были сложены. Сверху лежал тонкий матрас, на который Кира накинула индейский плед. Сбоку располагались шкафчики и небольшой холодильник, а сверху две газовые конфорки, на которых Ян готовил завтраки и ужины, не вылезая из кровати. Кира легла и залипла в телефон. У нее разболелась голова. К горлу то и дело подступала жидкость, потом стекала обратно, и дыхание Киры было кислым на языке и в носу. Она открыла окно. Пахло соленой землей.

– Где мы? – спросила Кира.

– Почти в Воронеже. Хочешь искупаться?

– Где? Сейчас? Не очень.

– Ну я все равно остановлюсь. Весь потный.

Они свернули и проехали по пескам к берегу реки Воронеж. Вдалеке был виден город. Ян разделся до трусов и зашел в воду. Чем глубже он заходил, тем выше поднимал руки.

– Как?

– Ничего. Привыкаешь.

Его голос чуть сдавило, и он звучал тоньше и звонче. Ян не то чтобы дрожал. Стоял неподвижно. Но то и дело изнутри него пробивалась судорога.

– Залезай?

– Нет, спасибо, – сказала Кира.

Ян зашел глубже и нырнул. Легкий туман катился по воде. Как пар из морозилки. Он охлаждал, и это было приятно, но пахло чем-то испортившимся. Едва уловимо. Забытой

под пакетами ягод, льдом и пельменями упаковкой замороженного мяса. Может, самими пельменями. Что-то мертвое было в воздухе. Кира отбежала к кусту, и ее вырвало.

– В порядке?

Кира еще не закончила. Она придерживала одной рукой волосы, а другой срывала широкие листья и использовала их как салфетки.

– Укачало в машине, – сказала Кира.

Ян принес ей воды. Целую пятилитровку. Полил на ладони, потом Кира взяла бутылку и попила.

– Ты в порядке? – спросил Ян.

– Да.

– Не отравилась?

– Нет. Говорю, укачало.

Ян достал две сигареты и протянул одну Кире, но она покачала головой. Он сунул сигарету обратно в пачку.

– Я тут подумал, – сказал он, – у нас же что-то вроде медового месяца.

– Да?

– Нет?

– Ну, мы же не женаты.

– И что?

– Ладно.

– В общем, я к тому, что нужно что-то сделать. Отметить. С бывшей женой мы закупились кучей дорогущего вина. Я тогда впервые попробовал «Моёт».

– Я не хочу пить.

– Окей. Я не к тому, чтобы пить. Это как пример. Просто думаю, что нужно чем-то себя побаловать. Знаешь, типа, что-то, что мы обычно не делаем. Что-то из красивой жизни.

– Например?

– Я уже привел пример.

– Если честно, я не хочу ничего делать.

Они сняли номер премиум люкс в отеле «Марриотт Воронеж», представившись новобрачными. Ян прочитал в отзывах, что за это полагается шампанское и фруктовая тарелка. Девушка на ресепшене улыбнулась и поздравила их, но было очевидно, что ей нет дела до счастья. Не конкретно их, а до счастья в целом. Она даже не проверила штампы в паспортах.

Они поднялись на лифте на свой этаж и зашли в номер. Кира упала на кровать лицом вниз. Ян стал бродить по комнатам и осматривать их, как квартиру под съем. Он на все так смотрел. Всегда пытался найти, где его пытаются обмануть.

– Гугл-карты говорят, что этот отель закрыт навсегда.

– Они, типа, тоже ушли? – ответила Кира, не отрывая лица от покрывала.

– Типа, да. То есть они реально ушли. Просто наши название не убрали.

Кира вздохнула, приподнялась на локтях и посмотрела в панорамное окно девятнадцатого этажа.

– Ты когда-нибудь останавливался в таких местах?

– Пару раз по работе, – ответил Ян из-за стены.

– Свадебным фотоаппаратам снимают номера?

– Иногда. Когда какая-нибудь люксовая свадьба на несколько дней. Или просто свадьба на выезде.

– Звучит круто.

– Может, первые несколько раз, потом надоедает, как и все остальное. Посмотри на это. Позор.

– Что?

– В ванной дыра в потолке.

– Вот прям дыра?

– Прям дыра. Посмотри.

Кира вздохнула, но встала с кровати. В ванной действительно была дыра. Отсутствовала одна из секций потолка. В темноте ползли пыльные коммуникации.

– Ты же не будешь просить заменить номер? Пожалуйста, не проси заменить номер.

– Без толку. Там тоже что-то будет. Не потолок, так стена. Смотри на свои ноги.

Белые носки Киры потемнели в форме ее стопы.

– Они даже не пылесосят нормально.

– Не знаю. Меня все устраивает.

Фруктовая тарелка и комплимент от шефа появились в номере спустя сорок минут после заселения. Еще через полчаса и два звонка на ресепшен принесли сухое шампанское.

– За новую жизнь, – сказал Ян, и они чокнулись стройны-

ми бокалами.

– Оно теплое.

– Оно бесплатное.

– Окей, справедливо.

Шампанское вернуло Кире силы. Она переоделась и стала бродить по комнате по ломаной траектории. На ней было короткое платье в цветочек, и на бледных ногах краснели укусы комаров.

– Мы же не будем сегодня с тобой спать, да?

– В каком смысле?

– В смысле трахаться.

– Не знаю. А что, ты хочешь?

– Я? Не знаю. Думала, если ты хочешь, то начнешь вот все это ваше, комплименты там, случайные касания, намеки.

– Не моя тактика.

– Да ну? А какая у тебя тактика? Кроме толстовских метафор.

– В смысле?

– Ну, про реку.

– Что про нее?

– Это же из Толстого. Люди как реки.

– Он это говорил?

– Да. Ты не знал?

– Нет. Я читал что-то в школе, но ничего не помню. А что у него было про реки?

– Что-то про то, что не надо осуждать людей. Типа, они

как реки, текут, и ты осудил кого-то, а вот он уже другой. Сейчас, подожди. Найду цитату.

Кира достала телефон, и ее лицо озарил цифровой свет.

– Черт. Нет. Другая цитата. А о чем я тогда думала?

– А что за цитата?

– Пытаюсь вспомнить.

– Нет, я имею в виду, та, которую ты нашла.

– А, ну вот. Кхм. Люди как реки: вода во всех одинаковая и одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая... и бла-бла-бла, дальше в том же духе.

– Забавно. Не помню этого. Не думаю, что я имел в виду то же самое.

– А что ты имел в виду?

Ян сморщил нос и помассировал его.

– Я не знаю. Узнаю – скажу.

Это показалось Кире смешным.

– Мужик-загадка, – сказала она. – Так какая у тебя тактика? Кроме того, чтобы выкрасть невесту прямо со свадьбы случайной толстовской метафорой с другим, неизвестным даже тебе самому смыслом.

– Я никого не крал. Это ты предложила уехать.

– Я это помню по-другому.

– Ладно.

– Так какая тактика?

– С чего бы я стал тебе рассказывать?

Кира обернулась к нему, раскрыла руки, и пара ямок появились на ее лбе, когда она подняла брови. Ян подумал, что это мило. Кира покачала головой, и все стряхнулось.

– Нет у тебя никакой тактики.

– Как скажешь.

– Ну расскажи.

Кира подсела к нему на диван, распустила свои длинные черные кудри и глубоким голосом повторила. Ян чувствовал на губах тепло ее дыхания.

– Ладно, женщина. Это просто происходит. Либо происходит, либо нет. Вот моя тактика.

– Пф. – Кира встала и взяла бокал. – Это не тактика. Это противоположность тактики. Ты просто отдаешь все на волю судьбы.

– И что в этом плохого?

– Ничего. Но это не тактика.

Пузырьки взрывались в ее мыслях, и от этого было не столько весело, сколько щекотно. Она уставилась вниз на загорающийся ночными огнями город, и то ли он, то ли что-то еще приводило ее в ступор, потому что ничего как бы не имело смысла, а Кира ожидала, что должно быть по-другому.

Странность – все, что испытывал Ян Трояновский, когда нырял и плыл в голубой воде теплого бассейна на двадцать первом этаже. Хлорка пощипывала глаза, и кожа сохла, соприкасаясь с жидкостью. Ян подплывал к бортику и смотрел

вниз, пока с волос по рукам текли ручейки. Крыши домов, улицы, люди. Все было слишком далеко, чтобы занимать в его глазах больше места, чем точки, но на секунду он увидел их как туман, как вечные облака, и вот их раздуло, и осознание больно ударило светом внутрь его лица. Все это и было пиком его жизни. Не потому что нет ничего лучше пятизвездочного отеля в Воронеже. Просто дальше дорога вела вниз. Ян всегда был уверен, что пик придаст значение его существованию. Хаотичные телодвижения станут извилистой дорогой, у которой всегда было направление, просто оно было скрыто от него самого. Но если пиком было вот это вот все, то зачем – зачем?

Они вернулись в номер без сил. Ян дал Кире первой сходить в душ, а сам сел на кровать, но это ощущалось неправильно – сидеть. Нужно было идти. Нужно было что-то делать. Это не были телесные импульсы, то есть не то чтобы от отсутствия движения у него болела спина и ноги. Тело было не против покоя. Что-то другое не давало ему замереть. Как будто стоит ему расслабиться, и он уже никогда не встанет. Как уснуть на холоде. Ян пооткрывал шкафчики в комнате, пустой мини-холодильник и наконец занял себя установкой пароля на сейф, в котором ему нечего было прятать.

Распаренная, Кира приоткрыла дверь и выглянула. Ее туловище и голова были обмотаны полотенцами.

– Фен, – сказала она. – Какой тут ужасный, неудобный, крохотный фен!

– Что с ним не так?

– Смотри. – Кира повела его в ванную, взяла фен и поставила к нему сырую голову. – Смотри. Видишь?

– Что? – спрашивал Ян. – Что?

– Провод короткий!

– Да, я вижу. Действительно. Наверное, это самый короткий провод фена, который я когда-либо видел.

– Это невыносимо! Я беру фен, и, чтобы посушить волосы, мне нужно встать прямо к стенке и смотреть на себя не по центру зеркала, а сбоку. Понимаешь?

– Да. Это отвратительно.

– Да! У меня отваливается рука держать фен в таком положении. Рука и шея. Шею как будто уже даже защемило. Ужас. Мне нужен другой фен!

Кира тряслась от смеха.

– Думаешь, они так разговаривают?

– Кто? – спросила она.

– Все эти люди. Которые останавливаются здесь.

– Ну сейчас здесь мы. И мы так разговариваем.

После того как помылся Ян, они сели на диван и туповато уставились в бездельные перспективы вечера.

– Знаешь, это все как в американских фильмах, – сказала Кира. – Отель, халаты, вид на ночной город.

– Да.

– Думаешь, у них там тоже грязные ковры и дырявые толки?

– Не знаю. Возможно.

– Я просто думаю, если так, то в чем вообще разница?
Ян сделал несколько глотков, прежде чем ответил.

– В виде.

Кири встала и прошлась по комнате к окну.

– Знаешь, что они еще делают в фильмах? – спросила она.

– Что?

– Идут в бар.

– Ты хочешь пойти в бар?

– Я говорю, что это то, что они делают в фильмах.

– Ладно, пойдем в бар.

– Может, я не хочу идти в бар.

– Так ты хочешь или нет?

– Не знаю. Хочу ли я?

Вместо бара они вышли на улицу и погуляли по Воронежу. Город был красивым и теплым. Пока Ян курил за остановкой, с другой стороны подошел мальчик и приткнулся к исцарапанной пластиковой стенке. Светловолосый. Голубые глаза. Он улыбался всем лицом. Можно было услышать смех в его взгляде. Ян чувствовал себя обнаженным.

Посреди ночи, сквозь сон, Ян обнаружил, что обнимает Киру. Потом она повернулась, и ее губы очутились там же, где и его – в поцелуе, случайном, ничего не значащем поцелуе. Тот, наверное, мог бы и утонуть просто, распасться, как все, но они прижались сильнее друг к другу, и он продол-

жался. Не было пота. Только сухой жар. Их глаза еще видели другой мир, но тела уже были здесь. Кира смотрела на Яна, как если бы поймала за чем-то, но не осуждала, а просто забавлялась самим фактом, что она его поймала. Они стянули нижнее белье и мокли друг под другом, пока все это не стало казаться реальнее, чем сон.

– Ага, – сказала Кира. – Что это было?

– Ты мне скажи. Ты начала.

– Я? Нет. Я проснулась на середине.

– Ну я тоже.

– Ага, конечно. Но это было приятно.

– Мне тоже понравилось.

Они еще лежали в кровати.

– Тебе не нужно идти писать?

– Нужно.

Она не двигалась.

– Ладно, я пойду первый.

Ян помылся в раковине и вытерся халатом, который принял за полотенце. Кира зашла в этот момент и села на унитаз.

– Фу, Ян, – сказала она.

– Мы тут всего на одну ночь в любом случае.

Ее трусы скомкались под коленями, и на них была кровь.

– Принести тебе прокладки, или чашу, или что ты используешь?

– Что?

Ян показал на трусы, но Кира и так уже на них уставилась.

Она долго не поднимала голову, а когда подняла, выглядела так, будто видела такое впервые.

– Так принести что-нибудь?

– Нет, – сказала Кира и после добавила, показав на шопер под зеркалом: – У меня все здесь.

Ян вернулся в комнату. За его спиной захлопнулась дверь. «Окей», – подумал он и развел руками. Попытался на ощупь найти свои трусы, но сдался и включил свет. Они были под одеялом.

– Нормально, – сказал он. На простыне сырело несколько капель крови.

Кира вышла голая и встала посреди прохода. К шее между грудями ползла татуировка в виде змеи. Соски возбуждились от включенного кондиционера. Руки тоже были забиты, но чтобы понять, что значат все эти черные картинки, нужно было спросить, а Ян не спрашивал. Кира морщилась от света. Она открыла рот что-то сказать, но заорала сигнализация.

– Как же меня это заебало, – сказала она.

Ян не до конца был уверен, это ли она хотела сказать изначально.

Они оделись и вышли на улицу по мигающим коридорам и лестнице. Заспанные люди отсвечивали кожей и шортами красные мигалки трех пожарных машин. Ян закурил.

– Можно сигарету? – спросила Кира и закурила, упершись затылком в плечо Яна.

Пожара не было. Ложное срабатывание датчика в спа-цен-

тре. Им разрешили вернуться в номер. Было около четырех. Ян и Кира легли в кровать, но сна больше не было.

– Хочешь МакЗавтрак? – спросил Ян.

– Они до сих пор его так называют?

– Мне пофиг, как они его называют.

Кира накрасилась и собрала вещи. Ян потупил в телефон, в котором нечего было читать и смотреть с тех пор, как он отписался от всех СМИ. Просто листал короткие видео, которые должны были быть смешными, но не были, и испытывал то же, из-за чего перестал следить за новостями. Как будто он как человек представлял собой только мозг с пальцами.

Ян надел кроссовки и спустился вместе с Кирой вниз. Они оставили ключи на пустой стойке ресепшена и поехали в ближайший «Вкусно – и точка». Кафе еще не открылось, и они ждали у кассы «МакАвто», когда из динамика раздастся голос.

– Что ты будешь?

– Просто кофе, – сказала Кира.

– Серьезно? Там офигенная булочка на завтрак. Типа бургера, но другая. Английский маффин.

– Я буду просто кофе. Потом нам надо в аптеку.

Они проехали две аптеки по пути на платную трассу и заметили обе слишком поздно, чтобы свернуть, и неслись дальше, рассчитывая заскочить в следующую, но город кончился и вокруг протянулись поля.

– Заедем по пути, – сказал Ян.

– На трассе нет аптек.

– Есть. На новых заправках есть всё. Ты еще не видела их? Это как маленькие международные аэропорты. Рестораны разных кухонь мира, новые чистые туалеты, столики с диванчиками, как в американских дайнерах. Там даже есть кресла-массажеры.

– А аптеки там есть?

– Да, и аптеки тоже есть, – сказал Ян. – Что тебе нужно, кстати? У меня есть пакет с лекарствами.

– Там нет того, что мне нужно.

– Ты посмотри, вдруг есть. У меня большая аптечка.

– Там нет. Я проверила.

Аптечка лежала в багажнике. Яну не было дела до того, почему Кира сказала, что проверила ее, хотя не могла ее проверить. Он приоткрыл окошко и закурил вишневый «Чапман». Пару тяжек спустя Ян вспомнил про кофе в бумажном стаканчике, взял его свободной рукой, подул внутрь и сделал глоток. Выкурил еще одну сигарету прежде, чем бумажный стаканчик опустел, затем вставил его в подстаканник и выкинул в него бычок.

– Вот так, – сказал Ян и, оглядевшись, повторил: – Вот так.

Земля в Воронежской области была черной. Что-то возбуждало в ней Яна, не цвет, но какое-то тепло, которое шло из нее наружу – и в него. Это было одно из интимных мест планеты. Можно было потрогать его и сжать в руке горстку

этой черной почвы, и из нее пошла бы вода.

Он съехал с обычной дороги на платную. Проезд был недешевый, но это того стоило. Никаких пробок, никаких выглядываний из-за фур, чтобы найти свободный участок для обгона. Никаких светофоров. Ян платил за то, чтобы ни о чем не переживать.

В машине играл Боб Дилан. «Girl From The North Country». «Девушка из северной страны». Ян однажды нашел перевод песни. Обычно ему не было дела до слов. В музыке для него главной была мелодия. Она говорила больше, чем слова. Давала почувствовать, пережить то, что слова пытаются ухватить. Ритм. Как север. Ян знал север не как сторону света. Как состояние. Частоту биения сердца. В этом был настоящий север. И где-то там была девушка. Он думал о ней и тихо пел.

– Что?

Ян не ответил, и Кира не переспросила.

Возле заправки стояло много машин, но казалось, что там пусто. Здание было огромным. В два раза больше обычной заправки. Кира зашла внутрь, пока Ян вставлял пистолет в бензобак.

Внутри все было, как Ян и сказал. Кира окинула взглядом ряды с омывайками, маслом для двигателя, дворниками, свернула к продуктам и побрела мимо чипсов, сухариков, тульских пряников, воды «Байкал» и закончила в углу

«Армии России». Разный мерч для детей и взрослых, игрушечные БТРы, вертолеты, танки. Коробки сухпайка. Аптека оказалась за углом.

– Всё? – спросила продавщица.

– Ага, спасибо.

Кира зашла в кабинку туалета, задрала платье и стянула трусы. Что-то и правда напоминало аэропорт. Тишина. Трескучий скрип дверей. Не как у старых. Это был новый скрип. Слышно, что материал толстый, качественный. Слышно даже слой ламинированной краски на двери, когда та хлопается о металлический замок. И запах. Смесь туалетного ароматизатора, вымытого пола и несовместимых жизней.

– Сука.

Кира выкинула первый тест в модную мусорку, вскрыла второй и сунула его между ног. Она иногда могла пописать дважды подряд. Не сейчас. Она достала из сумки бутылку воды и выпила залпом.

Второй тест показал то же самое. Она выкинула его, натянула трусы и вышла из кабинки. Кира выглядела ужасно. Смотрела в зеркало и даже не пробовала ничего исправить. Просто смирилась с тем фактом, что утренний макияж был худшим со времен ее первых попыток краситься.

Кира помыла руки и, не суша, вернулась в остекленный холл с диванчиками и столиками. За одним сидела семья с пятью детьми. Они уже поели и теперь рвали салфетки, пока мама глядела в панорамное окно на бесконечные ряды за-

правочных помп. С другой стороны стекла появился черный человек. Как тень кого-то, кого Кира знала. Это был мужчина. Ног Кира увидеть не могла, но не сомневалась, что он носит черные резиновые тапочки с носками. Все в его виде говорило именно об этом. Он сломал бычок пальцами, помахал той же рукой и ушел, и женщина с неуклюжим отчаянием в каждом шаге повела детей на выход. Только тогда Кира снова смогла пошевелиться.

– Я тебя потерял, – сказал Ян. Он сидел в кресле-массажере, и его туловище ходило из стороны в сторону.

– А я тебя нашла.

– Сейчас, я почти закончил, – сказал он и сладко закрыл глаза, но массаж закончился. – А, все. Идеально.

Он поднялся и потянулся. В нем было что-то очень живое. Упругое. Кира обняла его. Губы Яна были прохладными. Она провела рукой по его затылку. Кожа была толстой и теплой. На ощупь как мопс. Больше никаких сходств с мопсом у него не было, и Кира находила это странным. Может, и не это. Жизнь вообще казалась Кире странной штукой.

Дорога шла по две полосы в каждую сторону. Она была ровной и твердой и на руле ощущалась мягко.

– Ну что за дорога, – то и дело говорил Ян. – Ты посмотри на нее. Дорога будущего. Вот это дорога. Это то, что все должны представлять, когда слышат слово «дорога».

Они нашли на картах кемпинг по пути и теперь искали его

по пыльным улицам пригорода. Было темно, уличные фонари светили серым, и оттого песок был серым, и одноэтажные и двухэтажные дома были серыми, и ночь тоже была серой.

Район представлял собой что-то вроде частного сектора, который строили не разом, по плану, а который строился сам. Улицы шли не параллельно, а криво, утыкались друг в друга, выворачивали и вели в тупик. Яну несколько раз пришлось сдавать задним ходом и снова искать дорогу. Наконец они подъехали к точке. Справа был бесхозный участок, огороженный разросшейся травой. На въезде лежал бетонный блок с торчащей наружу сваей.

– Мда, – сказала Кира.

Машина громко дрожала. Музыка нервировала, и Ян ее выключил.

– Давай уже где-нибудь встанем и поспим, – сказала Кира. – Куда ты едешь?

– Дальше.

– Куда?

– Куда-нибудь.

Проезжая часть была слишком узкой для фургона. Они искали, куда можно приткнуться, но прежде чем нашли, началась трасса. На первом же съезде они свернули и, чуть отъехав, встали на обочине разбитой дороги, которая пропадала в темноте.

Ян вышел помочиться в куст, посреди процесса откинул голову и посмотрел на небо. Оно было синим и все в звездах

– будто все звезды, когда-либо жившие, нависли сейчас над его лицом. Южная ночь. Ошарашенный, Ян простоял с минутой, не помня себя, и когда хлопнула дверца машины, он не знал, что это значит.

– Ты будешь разводить костер? – услышал он.

Он не узнавал этого голоса. Не различал слов. Все казалось ему чужим. Он ощущал себя чем-то мелким – настолько, что нельзя увидеть невооруженным глазом. Он не ощущал себя атомом, потому что ощущать себя атомом значит чувствовать себя частью всего сразу. Самой тканью жизни. Он же чувствовал себя чем-то внешним, и вся эта немыслимая бесконечность предстала сейчас перед ним, но для нее он был невидим и неважен, и он не мог не восторгаться ею, как не мог и не испытывать моментальность собственного существования. Все, что он увидит за свою жизнь, меньше секунды от всего времени, и нет ничего, что он мог бы сделать, чтобы остаться хотя бы на долю секунды дольше.

– Нет, – в конце концов ответил он.

Это уже было неважно. Кира тоже смотрела вверх, и все, что заботило ее минуту назад, всю ее жизнь, больше не имело значения.

– Вау, – сказала она.

Солнце было беспощадным. В фургоне не работал кондиционер, и даже с открытыми окошками жар никуда не девался. Наоборот, теперь он не только припекал через лобовое

стекло, но и залетал внутрь. У Яна снова и снова потел лоб, и на пассажирском кресле образовалась кучка использованных бумажных полотенец, которыми Ян протирал лицо.

Впереди ехал военный грузовик. Пыльные брезентовые дверцы были открыты, и оттуда смотрели солдаты. Обычные мужики в камуфляже. Как будто ехали на рыбалку или охоту. Их лица были в сухой грязи. Видимо, их перебрасывали с одного участка фронта на другой. Один закинул руку на плечо сослуживца и улыбался половиной рта, подняв большой палец. Он сидел чуть в глубине в кузове, то пропадая, то появляясь из тени.

Прямо у бортика сидел молодой рыжий парень. Худой, но не хрупкий, не худощавый, а почти неземной. Что-то в его глазах. Даже издали легко было различить костяные тени вокруг глаз. А сами глаза... Ян чувствовал, что, если надавить на них пальцами, можно просунуть руку по локоть. По плечо. Хоть целиком залезть внутрь, и глаза того парня смотрели бы точно так же. Ян не знал как именно. В его глазах никогда не было такого взгляда. Ему было неоткуда знать, что он значит.

Соседняя полоса была пустой. Ян включил поворотник, перестроился и надавил на газ, чтобы обогнать военную колонну из нескольких грузовиков и пары машин, которые везли под камуфляжной сеткой танки и БТРы.

– Это из «Гарри Поттера»?

– Что?

– Вон, на дверце, – сказала Кира, показывая на белые символы на военном грузовике. – Как перевернутый знак даров смерти. Только без бузинной палочки.

– Я не смотрел «Гарри Поттера».

– Серьезно?

– Да.

– Шок. Мы это исправим.

Дорога изгибалась и выпрямлялась. За металлическими и прозрачными пластиковыми ограждениями толпились подсолнухи. Потом они прекратились и больше не появлялись.

Снаружи все вечно менялось. Уже не было черноземных полей вперемешку с зелеными лугами. Деревья стали другими. Печные трубы домов располагались не сбоку, а по центру крыш. Стены были из камня, а не из дерева. Все казалось похожим, но чужим. Ян перестал понимать, что его окружает. Даже солнце светило иначе. Ян никогда не любил юг.

К ночи они добрались до Краснодарского края. В темноте загорались вывески кафе и мотелей. Ян не обращал на них особого внимания, но, увидев рекламу «Помпончика», перестроился в правый ряд и свернул на парковку. Кира спала.

Он заглушил двигатель. Стало тихо, но воздух до сих пор вибрировал, как если бы они неслись по трассе. Ян прикрыл за собой дверцу и зашел в кафе.

Внутри никого не было. Совсем. Даже продавца. С офисного потолка звенел холодный белый свет. Пахло горячим

маслом. За стеклом на гриле лежало несколько скукожившихся сосисок. Дверь в подсобку была приоткрыта, и Ян увидел на стуле женщину. Кожу на ее лице стянуло к груди. Рот был криво приоткрыт. Ян бы не удивился, если бы она была мертва.

– Алло, – сказал Ян и постучал по столу.

Кассирша очнулась и несколько секунд таращилась на Яна из-за щели огромными глазами. Он смотрел в ответ.

– Здрасте, – сказал Ян и подождал, пока женщина встанет и выйдет к стойке. – Кофе. Чебурек. И пончик. Или как вы его тут называете, помпончик?

Женщина ненавидела свою жизнь, это было ясно, и если бы ее спросили за что, она бы вспомнила этот конкретный момент, Яна и название кафе.

– Какой кофе?

– Черный.

– Объем?

– Большой.

Чек зажевало в аппарате, кусок, вышедший наружу, был блеклым и с красными полосками. Женщина уставилась на него, как будто это было что-то хрупкое, типа вазы, и упало на пол. Ян взял американо, чебурек и пончик.

– Спасибо, что выбрали «Лукойл». – Кассирша потерялась на секунду. – Ой. Только устроилась сюда.

– А здесь что говорят? Спасибо, что выбрали «Помпончик»?

Она качнула головой.

– Ничего не говорят.

Видимо, в кафе заработал интернет: заиграла музыка. Ян вышел наружу к мусорке, съел чебурек и проглотил пончик за несколько укусов. Выкинул салфетку и, закулив, побрел с кофе по пустой парковке, отсвечивающей фонарями. Трасса гудела сквозь тело, но ее не было видно. Сахар и кофеин уже ударили в кровь, и Ян испытывал возбуждение от одного только факта, что он существует прямо здесь и сейчас. Это был один из моментов, ради которых, как считал Ян, и стоит жить.

Кира вышла из фургона, огляделась по сторонам. Ее зашпанные глаза не хотели открываться, и она щурилась. Яну нравилась эта щелка между ее век. Она была не прямой, а в форме месяца, как у персонажей аниме. Это было мило. Кира глянула на Яна, потом снова по сторонам.

– «Помпончик»? Серьезно?

Он ничего не ответил.

– Вкусно?

– Нормально.

Она зашла внутрь, и Ян снова остался один, но что бы он ни испытывал несколько секунд назад, это уже кончилось, и Яну не было от этого тоскливо. Наоборот, он был рад. Он не знал, что делать с подобными чувствами.

– Давай здесь заночуем, – сказал Ян, когда Кира вышла с упаковкой жареных пельменей.

– Устал?

– Я могу доехать хоть до моря. Мне просто тут нравится.

– Что?

– Не знаю. Посмотри вокруг. Чувствуешь?

Кира оглянулась.

– Нет. Про что ты?

– Не знаю. Думал, ты скажешь.

Утром Ян пожарил яичницу и, когда они поели, заварил кофе. У него был большой термос, воронка, бумажные фильтры и молотый кофе из супермаркета. На вкус как черный кофе из «Твин Пикса». По крайней мере, Ян не сомневался, что кофе на экране был таким же. Горячим и горьковатым. Кусок вишневого пирога пришелся бы кстати, но в «Помпончике» не продавали вишневый пирог.

Кира ушла в кафе опустошить бак туалета в унитаза. Обычно это делал Ян, но с прошлого раза им пользовалась только Кира. Она вся сморщилась, таща бак обратно, и держала его далеко от себя.

– Как прошло?

– Может, мы просто будем останавливаться на заправках и в кафе, чтобы сходить в туалет?

– Ага. Каждые полчаса?

– Ха-ха. Иди в жопу.

Когда они все прибрали и выехали, уже наступил полдень. У Яна горел подбородок. Асфальт отражал южное солнце, и

этот жар был сильнее, чем с неба.

Они вернулись на трассу.

– Почему он? – спросил Ян.

– В смысле? Кто?

– Ну тот парень. Бывший жених. Как его – Саша? Почему ты влюбилась в него?

– Это не была любовь.

– Тем более?

– Тогда я этого не знала.

– Как ты могла этого не знать?

– Что, у тебя такого не было? Ты даже был женат.

– И? Я женился потому, что любил ее.

– Почему же ты тогда сейчас не с ней?

– Потому что. Все. Кончилось. Знаешь, как когда ешь малосольную рыбу. То есть, например, это не то же самое, как когда ешь бургер. Это другое. Бургер падает в живот, и ты чувствуешь это – ты больше никогда в жизни не хочешь есть. Тебе плохо. Тебе физически тяжело. У нас было по-другому. Как с малосольной рыбой. Мы просто ели и ели и в один момент – все, больше не хотели есть. И развелись.

– Ну заебись вам.

– Так почему он?

– Я не знаю, я не знаю. Он был рядом. Он не был лучше всех, но и не был как бы хуже. Он был как все, но он был рядом.

– И поэтому ты решила за него выйти? Это странно.

– Мне так не казалось. Ну, может, я понимала, что что-то не так, что это не мужчина моей мечты и что у нас с ним не будет жизни моей мечты, но я не думала, что может быть по-другому. То есть серьезно. Понимаешь? Я была реалисткой.

– Мда.

– Что?

– Ничего.

– Что?

– Ничего. Просто это хуйня какая-то. Эта логика.

– Мне казалось, что это по-взрослому. По-нормальному. Мне хотелось быть нормальной.

– Зачем?

– Я думала, в этом что-то есть. В нормальности. Какие-то глубины человеческого опыта. Типа, как будто все эти нормальные люди... как будто они что-то знают. Понимаешь, да? Как будто они знают что-то важное. Поэтому они такие спокойные. Я смотрела на них и думала: ого, вот кто знает, как нужно жить. Я тоже этого хотела. Спокойствия.

– И почему ты тогда убежала?

– Я узнала то, что они знают. То самое что-то важное.

– И?

– И это полная хуйня.

– Пример?

– Там все перевернуто. Знаешь, как бы нет вот этого... Как бы это объяснить. Ну вот любовь, например. Ты знаешь, что это такое? То есть знаешь как явление, как сущность?

Как грозу. Или ладно, как солнечный день. Когда на улице дождь, ты знаешь, что это не солнечный день. Почему? Потому что ты знаешь, как ощущается солнечный день. Это тепло на коже. Но вот пасмурно. Что делают нормальные люди? Просто говорят себе, что светит солнце, и живут так, будто так и есть.

– Не знаю. По-разному бывает.

Кира выдохнула и уставилась в окно.

– Я ненавидела, когда он жевал, – сказала она. – Он жевал наружу. Знаешь, у него такой рванный рот, и видно все, что он жует, и на какой он стадии. Смотри, даже сейчас мурашки идут. Я это ненавидела. Но говорила, что это мило. Я говорила, что он забавный. Говорила, что я его люблю. Я натягивала слова на то, что они не значат. Это хуже всего. Хуже, чем бояться. Хуже, чем испытывать боль. Лучше, когда просто нет любви, и ты так себе и говоришь: не люблю. Любовь еще может прийти. Может – если ты ее ждешь. Если еще помнишь, чего, собственно, ждать. А когда просто называешь любовью то, что есть, – нет. Это конец. Слова теряют смысл. Любовь, солнце, мир, жизнь. Все теряет смысл.

Они проехали луга со стогами сена. Круглые, желтые. Сухие. Ян думал о том, что, наверное, скоро их соберут на тракторе и отвезут в ангар. Новая трава уже пробивалась щетиной, блестела на солнце и покалывала глаза. Ян надел авиаторы.

– Но почему он?

– Опять? Серьезно?

– Ты так и не ответила.

– Он был рядом, понимаешь? Я боялась остаться одна. Боялась, что никому не нужна. Все уехали. Кто эмигрировал, кто завел детей. А он был рядом. Я не думала, что найду кого-то лучше. Что вообще существует что-то лучше.

Спереди пятном разросся знак заправки и пронесся мимо. Ян проверил уровень топлива на приборной панели и свернул на съезд.

– Хочешь что-нибудь? – спросил он.

– Нет.

Ян вернулся с двумя американо и мороженым. Пломбир в вафельном стаканчике. Без добавок и красителей. Просто мороженое. И просто кофе.

– Не знал, какое тебе нравится.

– Это сойдет.

– Могу сходить взять другое.

– Нет. Мне нравится это. Спасибо, – сказала Кира. – Что?

– У тебя нос в пломбуре.

– А у тебя усы и борода.

Ян посмотрел в зеркало заднего вида.

– Неправда, – сказал он.

Кира ткнула его верхушкой мороженого. Ян снова покрутил лицом перед зеркалом.

– Ничего нет, – сказал он. – Чистый как младенец.

Он вставил ключ в зажигание и повернул.

– Подожди. Мне нужно кое-что тебе сказать.

Кира ждала, пока он заглушит мотор. Это было нелепо, но Ян повернул ключ обратно, достал его и надел брелок на палец. Кира все еще молчала, но, судя по виду, сама понимала, что больше не осталось ничего, что мог бы сделать Ян.

– Только не говори, что ты беременна.

Это была шутка. Кира не всегда смеялась над его шутками, но обычно она делала вид, что не слышала, или улыбалась из вежливости. Эту шутку она слышала. На ее лице не было улыбки.

– Не?

Кира кивнула.

– Ого.

– И это не все, – сказала она.

Кто-то газанул, и прокричали покрывашки. Ян оглянулся на звук и продолжал смотреть на тот же ослепительный асфальт, на котором ничего уже не было. Как поляна, с которой уехал цирк. Кира не сводила с него глаз – Ян чувствовал это кожей и не поворачивался.

– Он не от тебя.

Ян отошел к урне. Он курил, держа сигарету тлеющей частью внутрь ладони, и между пальцев поднимался дым. Из-за здания заправки появилась женщина с собачкой на руках и пошла по дорожке, увеличиваясь с каждым шагом. Не больно-то и красивая, но Ян провожал ее взглядом. Собачка тявкала, и Кира слышала ее даже за закрытыми окошками. Кира бы не удивилась, если бы Ян сел в чужую машину и уехал прямо у нее на глазах. Но он вернулся.

Он не выглядел злым или рассерженным. Казался спокойным. Отстраненным. Как будто ему в общем и целом было пофиг. Ключ вошел в зажигание с первого раза. Ян завел фургон, включил фары и выехал с остановки.

– Мы можем об этом поговорить, – сказала Кира, когда они встроились в поток машин.

– Хорошо.

– Давай поговорим?

Они молчали. Кира кивала в такт музыке в ее голове. Несуществующей песне, которую она снова и снова слышала.

– Мысли? – спросила Кира.

– Пока нет. Больше каша.

– У меня тоже.

Оба оглядывались по сторонам, засматривались на пред-

меты, будто в музее.

– Чего ты хочешь? – спросила Кира.

– Я? – Ян улыбнулся. – Какое это имеет значение?

– Да в смысле?

– Это твое решение. Мои желания тут ни при чем.

– То есть тебе будет ок, если я его оставлю?

– Судя по тому, что я сказал, да.

– Правда?

– А ты чего хочешь?

– Я хочу узнать, чего хочешь ты, – ответила Кира.

– Аналогично.

– Меня пугает и то, и другое. Оба варианта.

– Мы говорим про желания, а не про страхи.

– Вот не надо вот этого всего сейчас.

– Чего этого?

– Вот всего этого «мы говорим про желания, а не про страхи».

Билборды сменяли друг друга. Новые названия банков. Ресторанов фастфуда. Реклама. Кира ждала каждый следующий билборд как знак свыше. Самым близким к тому, что она искала, был плакат «Водитель, притормози. Тебя ждут дома», но нет, она искала что-то совершенно другое.

– Итак, – сказала Кира, – что ты думаешь?

– Я думаю, я не имею к этому никакого отношения. Я даже не тот, кто его... я не потенциальный отец. Твое тело – твое дело.

– Да иди в жопу, блин, профеминист.

– А что?

– А то, блин.

– Просто пытаюсь уважать твой выбор.

– Иди ты. Это не про уважение. Ты просто не хочешь ничего решать.

– На связи другая колокольня. Отсюда это выглядит так, будто это ты пытаешься переложить ответственность за свое решение на другого человека.

– Е-мое. Я пытаюсь узнать мнение человека, с которым решила связать свою жизнь, по поводу того, что может изменить ее кардинально.

– Е-мое?

– Знаешь что?

– Пошел я?

– Да.

Дорога закручивалась в узелок развязки. Фургон влетел в поворот, салон потянуло наружу, и казалось, что только вес Киры удерживает его от падения набок.

– Мое мнение, – сказал Ян, – таково, что я приму любое твоё решение.

– Блять. Окей. Окей, мне нужна помощь решить.

– Хочешь сделать таблицу плюсов и минусов?

– Возможно. Да.

Ян достал телефон из держателя и открыл заметки.

– Ну давай. Плюсы того, что ты его оставишь.

Кира постучала ногтями по окошку. Стекло почти обжигало.

– Давай начнем с минусов, – предложила она.

С ними проблем не возникло.

– Минусы мы закрыли, – сказал Ян спустя минут тридцать пространных объяснений Киры. – Плюсы?

– Я не знаю.

– Это может быть что угодно. Что будет в этом хорошего?

– Ничего.

– Прямо ничего?

– Ладно, одно. Не нужно ничего решать.

– Супер. Ну вот, сама все видишь.

На повороте скрутило живот. Кира была уверена, что ее сейчас стошнит, и пошла в салон за пакетом, но ничего не вырвалось, и она положила его обратно.

– Ян, а ты чего хочешь? Только честно.

– Я бы хотел, чтобы этого изначально не было.

– Ага. Ну это не вариант.

– Я знаю.

– Ну и?

– Ладно. Я не хочу этого ребенка.

– Почему?

– Почему? Серьезно? А почему мне его хотеть?

– Не знаю.

– Нет, я его не хочу. Это не мой ребенок и никогда не будет моим.

Кира смотрела на него, и что-то пропадало в ее глазах. Она вздрогнула. Со всем было что-то не так. Как будто в самом сердце вещей была пустота. Кира видела тикток про то, что ни до чего на самом деле нельзя дотронуться. То, что мы принимаем за касание, это только давление, и между телами всегда остается этот невидимый зазор, как между одинаково заряженными магнитами. Никто никогда не может действительно дотронуться до другого человека – тела будут отталкиваться друг от друга, никогда не соприкасаясь. И внутри всего та же пустота. Ладно. Пусть так. Ладно, ладно, ладно.

Они доехали до Краснодара. Ян Трояновский высадил Киру и, открыв дверцу с водительской стороны, смотрел, как она проходит мимо курящих на корточках пациентов в стационарных халатах и пропадает в городской больнице.

Вокруг пухли клумбы с пестрыми цветами. Шмели летали от одного к другому, будто ни в одном из них не находили того, что искали. Будто все эти бегонии и петунии были искусственными. Ян смотрел на них и не мог не думать, что где-то есть земля, на которой все иначе. Ян почти смог ее увидеть, ощутить в носу, на коже, в легких – на несколько секунд. Потом все пропало, а он остался.

Ян представлял, как Кира поднимается по лестнице, как заходит в палату, и врач что-то делает, и внутри Киры больше нет того, что там только что было. Процесс представлялся ему похожим на выдавливание черной точки.

– Наверное, это работает не так, – сказал он и закурил новую сигарету. – Наверное, все это вообще что-то другое.

Ян однажды услышал от кого-то, что за семь лет организм человека полностью обновляет все клетки, и получается, что каждые семь лет рождается совершенно новый человек. Ни одной старой клетки. Форма та же, но все совершенно другое. Люди смотрят на него и видят старого знакомого, а его там нет. Это совершенно неизвестный им человек.

Каждые семь лет. Может, срок другой, но периодичность – вот что заставляло Яна думать об этом снова и снова. В периодичности была правда. Ты рождаешься человеком не один раз. Ты проходишь через это снова и снова. Ты рождаешься и умираешь, и появляется кто-то другой, который тоже рождается и умирает, и после него появляется следующий, и все повторяется снова. И ничего из этого не увидешь в роддомах и моргах. Нет. Такие вещи случаются в реальном мире.

Пот прокалывался под одеждой, и это больше походило на укусы слепня. Это было больно. Ян постучал себе по голове. Она не звучала как жестяные стенки кастрюли, но что-то в ней все равно кипело. Она была тяжелой и горячей, как и все тело, и Ян обнаружил ту его часть, на которой заканчивалась его жизнь. Пальцы ног. Он все, что было, есть и будет.

Врач была женщиной за сорок. Короткие пряди каштановых волос уходили за уши, в мочках которых поблескивали

едва заметные серьги. В том, как врач говорила, двигалась, смотрела, проступало что-то, что Кира определила как зрелость. Спокойствие, но не безразличие. Она явно работала в частной клинике, а здесь брала смены ради чего-то иного, кроме денег. Кира не удивилась бы, если бы ее принял мужчина, и боялась, что именно это и произойдет, но врач была женщиной и не уставала это повторять.

– Я понимаю вас как женщина, но как врач я советую вам этого не делать.

– Почему?

– Это несет риски здоровью.

– А роды не несут риски здоровью?

– Это другое.

– Что ж, я вас услышала. Вы дали свой совет как врач. Я его услышала. Можем двигаться дальше?

– Это я и пытаюсь сказать. Дальше двигаться некуда.

– В смысле?

– Смотрите, еще раз. Как женщина я вас понимаю, но как врач...

– Что это значит вообще? Вы не просто врач. Вы женщина-врач. У вас не должно быть этой дурацкой двуликой сущности. Вы не мужчина. У вас должна быть одна сущность, как кофе два в одном. Капучино или латте. Флэт уайт. Кортадо. Вы мать?

– Я мать.

– Тогда как кофе три в одном. Вы ведь не пьете отдельно

черный кофе, сливки и сахар? Это было бы странно. А вы не странный человек. Вы нормальный человек. Вы пьете сразу всё вместе. Так что скажите мне то, что вы сказали бы как женщина-врач-мать.

Врач вздохнула. Она была растрогана и запутана. Кире хотелось кому-то наглубить, но не ей. Более того, Кира была бы не против стать с ней лучшими подругами. Это бы не сработало, понятно, и оттого весь их разговор еще мельче разбивал все светлое, что было у Киры внутри.

– Я бы сказала вам то же самое.

– Нифига.

– Верьте или нет, я бы сказала вам то же самое. Я уже сказала вам то же самое как женщина, как врач и как мать.

– Что вы мне сказали?

– Не делайте этого.

– Что?

– Это то, что я вам сказала. Не делайте этого. Не убивайте ребенка.

– Это еще не ребенок.

– Они не дадут вам сделать аборт.

– Они? Кто они?

– Они. Мы.

– Кто? Женщины? Врачи? Матери?

– Все. У нас указ сверху не делать аборт.

– Но вы не можете не делать аборт. Я имею в виду, по закону.

– Все просто будут затягивать процесс, пока не наступит срок, когда аборт уже делать небезопасно. И тогда вам откажут ради вашего же здоровья.

Кира уставилась на нее:

– Но это нечестно.

Врач хохотнула.

– Ну да.

Кира оглядывалась на стол, стеклянные шкафчики, акушерское кресло, жалюзи – где-то лежал ответ на ее вопрос, и она могла его найти, если только внимательно посмотрит, но ответы были как в переписке с папой: что ни напишешь, что ни спросишь, радость или отчаяние, в ответ прилетит смайлик.

– Почему? – спросила Кира, сдавшись. – Зачем?

– Христианские мотивы.

Кто-то шел по коридору, и за дверью были слышны приглушенные голоса. Снова стало тихо.

– Что?

– Нам сказали это говорить. Христианские мотивы.

– Христианские мотивы? Как то, что Бог отправил своего сына на землю страдать и умереть? Как то, что Бог убил своего ребенка?

– Мне кажется, вы не поняли, в чем там суть.

– Вы говорите об этом, как о книге.

– Библия – это книга.

Кира набрала полные легкие фенолового воздуха и про-

тяжно выдохнула. В глазах на несколько секунд заискрило.

– А если я пойду в частную клинику?

– Частным перестали продлевать лицензии. У кого-то еще действуют, но они сами перестраховываются и отказывают. Всех отправляют в государственные.

Кира не знала, что сказать, и это и произнесла.

– Смотрите, – сказала врач. – Я дам вам обходной лист. Если успеете проставить подписи за эту неделю, то, может, и сделают. Либо направят в другую больницу, где сделают. Вам нужны подписи врача, психолога антикризисного центра для женщин, представителя епархии и заведующей акушерским отделением.

– Представителя епархии? Типа, священника?

– Да.

– Это сюр какой-то. Вы разве не можете просто направить меня на процедуру? Типа, по медицинским показаниям?

– Нет. У вас все в норме. С медицинской точки зрения у вас нет необходимости прерывать беременность.

– У меня была кровь.

– Ничего страшного. Бывает. Это нормально.

– Вы это говорите как православная женщина?

– Я мусульманка. Я говорю это как врач. – Она взяла обходной лист и ручку и поставила свою подпись. – А это я делаю как человек.

– Ну что? – спросил Ян голосом, который не узнавал. –

Всё? Сделали?

– Какой сделали? Как, ты думаешь, это работает? Они просто раз – и выдавливают? – Кира выглядела так, будто у нее самой были похожие представления о процедуре.

– Нет, – сказал Ян. – Я знаю, что это работает по-другому.

– Хорошо. Потому что это действительно работает по-другому.

– Да. Да. Значит, он до сих пор там? – Ян кивнул на живот Киры.

– Да, он еще там!

– Хорошо.

– Что?

– Ничего. Просто думаю, ты, наверное, голодная.

– Не знаю.

– Давай заедем поедем что-нибудь?

Кира закрыла лицо руками и начала утрамбовывать глазные яблоки внутрь черепа. Ян повторил вопрос, потому что она ничего не ответила даже полминуты спустя, когда покрасневшие глаза снова открылись.

– Мне нужно в антикризисный центр для женщин. – Кира не смотрела ему в глаза.

– Это явно чрезмерная реакция, – сказал Ян.

– Что?

– Я просто спросил, хочешь ли ты пообедать.

– А?

– Что случилось? Я что-то не так сделал?

– Нет. Это вообще про другое. Мы можем сейчас об этом не говорить?

Они сели в машину. Воздух в салоне раскалился, и Ян открывал и закрывал дверцу, как гигантский веер.

– Что ты хочешь на обед? – спросил он.

– Я не знаю, блин.

– Окей. Тогда я сам выберу.

– Я не хочу есть. Или хочу. Я не знаю. Я не знаю. Ян, я не знаю.

– Окей, – сказал Ян. – Окей. Окей.

Они съели по шаурме, которую оба называли шавермой. Кира выпила две бутылки воды, а Ян холодную банку того, что раньше называлось кока-колой. У кафе были столики на улице под зонтиками, но Ян с Кирой сели на диванчик внутри, рассчитывая, что в помещении будет прохладнее благодаря кондиционеру. Кондиционер не работал.

– Какой план? – спросил Ян.

– Сейчас, – сказала Кира и достала телефон. – Сейчас.

Она нашла сайт антикризисного центра для женщин. Им нельзя было позвонить. Точнее, там было три номера, но ни один не подходил для записи на психологическую консультацию. Для нее надо было заполнить и отправить форму. Кира вписала свое имя, фамилию, отчество, имейл, телефон. В поле «Сообщение» она написала: «Нужна СРОЧНАЯ консультация по поводу прерывания беременности». Все это она сделала не думая. Последнее поле ввело ее в ступор. Ей

казалось, что это загадка.

– Три плюс четыре, – повторяла Кира сначала в голове, потом вслух.

– Что?

– Три плюс четыре равно?

– Семь?

– Семь.

Она ввела цифру в поле проверки на робота, поставила галочку о том, что соглашается с политикой чего-то там в отношении чего-то там, и нажала «Отправить».

– Всё, – сказала Кира.

– В смысле всё?

– Должны перезвонить.

– Когда?

– На сайте сказали, что скоро. В ближайшее время.

– Позвонят, наверное, через пару дней.

– Я написала большими буквами «срочно».

– А, ну тогда они, конечно, позвонят тебе срочно через пару дней.

– Я так устала.

– Понимаю.

– Как ты можешь понимать? Ты физически не способен понимать.

– Я могу представить.

– В этом я тоже сомневаюсь.

– Тогда я просто заткнусь.

– Да. Пожалуйста.

Ян помолчал с полминуты, потом начал насвистывать мелодию и отбивать ладонью ритм о плотный диванчик, обтянутый потрескавшейся искусственной кожей.

– Я так устала, – сказала Кира. – Я так устала.

Телефон зазвенел, когда они уже сели в машину. Кира повернула экран к Яну, прежде чем ответить. Он сделал вид, будто не понимает, что значит этот номер с краснодарским кодом в начале. Кира закатила глаза и взяла трубку.

– Алло? Да, это я. Да. А когда можно записаться? А сегодня? Сейчас? Ну да, прямо сейчас. В четыре? Ну хорошо. Нет, хорошо. Спасибо. До свидания. – Кира положила телефон на колени: – Сегодня в четыре.

– Я слышал. У нас есть еще пара часов. Что хочешь делать?

– Ничего.

– Можем сходить в кино.

– Как хочешь.

Они пошли на сеанс, который начался за несколько минут до того, как они подошли к кассе с билетами. Какой-то тупой российский фильм. Кроме них, в зале никого не было. Стало темно и прохладно. Они съели попкорн и не заметили, как уснули, прислонившись головами друг к другу.

Худощавый парень в рубашке с именем на бирке толкал Яна пальцами в плечо. Ян был уверен, что именно этот парень только что ему и снился, и вот он стоял тут, и от этого

у Яна больно пульсировало сердце в висках и груди.

– Все кончилось, – сказал парень. – Сейчас будет другой фильм. – В руке он держал совок и щетку.

Ян обернулся, пока они с Кирой шли на выход. Парень несколько раз опустил сидушки кресел, на которых они только что спали. Ждал, что оттуда вывалится какой-нибудь мусор или попкорн. Но ничего не было, и он просто стоял с совком и щеткой, которые оказались ему не нужны.

Они приехали к центру за десять минут до назначенного времени. Кира вышла из машины и размяла шею. Потом приседала и, закинув ногу на водительское кресло, потянулась к носку.

– Мы точно туда приехали?

– Я ненавижу психологов, – сказала Кира. – Они лезут мне в голову.

Она пробила двоечку по плечу Яна. Не сильно, в шутку, но оно все равно ныло весь час и продолжало ныть, когда Кира вернулась.

– Пиздец, – сказала она.

– Подпись есть?

– Подпись есть.

– Что было самое пиздецовое?

– Поехали куда-нибудь спать.

Они встали на проселочной дороге в бахчах. Не стали воровать арбуз, хотя те были прямо под ногами. Ян забыл от

кого, но он слышал, что здесь за такое отстреливают яйца.

– Так что там было? – спросил он, когда они поужинали гречей с сосисками и майонезом. Пар от готовки осел на черных стеклах и теперь скатывался каплями, обнажая наружный мир.

– Она пыталась уговорить меня оставить ребенка.

– Ага?

– Она называла его ребеночком.

– Фу.

– Да. Сначала стандартное, мол, женщина не может быть счастливой, если она не мать. Пф, ладно. Дальше про предназначение женщины в мире. Про то, что это эгоистично с моей стороны – даже думать об аборте.

– Пиздец.

– Потом она пыталась уговорить меня родить и... – Кира сделала слащавый, высокий голос: – Отдать ребеночка в детский дом.

– Что? Серьезно?

Кира продолжала говорить не своим голосом.

– Детей до трех лет обычно охотно забирают из детдома. Как вы смотрите на такой вариант?

– Пизде-е-ец.

– А потом... потом она сказала: «Кира, а почему вы решили, что вы должны жить, а ваш ребенок нет?»

– Нет? Да ладно? Нет?

– А я и так хочу себя убить каждый, нахуй, день. Я... –

Кира дрожала и плакала.

Ян попытался ее обнять, но ее руки и спина были напряжены, и он не мог их расслабить, не применив силу, а он не хотел ее применять. Он чувствовал ее боль на своей груди. Камень под кожей. Ян откинулся назад, решив, что Кира не хочет, чтобы он сейчас был рядом, но не стал возвращаться на свое кресло и просто застыл в этом кривом положении посреди салона.

– Все нормально, – говорила Кира, но потом на нее снова накатывало, и она рыдала и стонала.

Ян нехотя считал белые шрамы на руках и ногах Киры и чувствовал себя самым ужасным человеком на свете, потому что видел их и раньше, но не принимал всерьез. Презирал Киру за них. Слова, которые крутились в его голове: показуха, ради внимания, инфантильная, слабая.

Окна выглядели темнее, чем раньше. Ян почти физически чувствовал ту же темноту внутри себя. Он устал. Его раздражало, что Кира не перестает плакать. Хватит, думал он. Хватит. Ее реакция теперь казалась ему чрезмерной. Почему вы решили, что вы должны жить, а ваш ребенок нет? Почему вы решили, что вы должны жить? Почему вы должны жить? Почему вы решили, что вы должны жить, а другие нет? Почему вы решили, что вы должны жить? Почему вы должны жить? Он повторял про себя ровно столько раз, сколько требовалось, чтобы слова впитались в самую его суть. Не было ничего, что бы он не мог впитать. Принять. Если бы Кира

взяла его глаза и вставила их себе, она бы свихнулась за пару секунд. В этом он не сомневался. Я сильнее ее. Я сильнее ее. Я сильнее ее. И он чувствовал себя сильнее ее, но все это стало неважным, когда он обнаружил внутри себя щекочущее ощущение удачи. Ему повезло. Ему бесконечно повезло, что он не испытывает то, что испытывает она. Что он не она.

– Все, – сказала Кира. – Все нормально.

Ее лицо опухло и покраснело. Она больше не плакала.

– Прости, – сказала она.

– Блять, – все, что Ян нашел сказать. – Да что ты? Нет. Нет.

С утра над бахчами стоял густой туман. Было облачно и душно. Никто бы не заметил, как они воруют арбузы или просто гуляют между ними. Ни Ян, ни Кира еще никогда этого не делали, и это казалось одной из тех вещей, вроде банджи-джампинга, или моря, или секса, – базовый набор опытов, которые делают человека человеком.

Зеленые арбузы белели снизу, где пуповина соединяла их с питательными веществами земли. Срезать ее представлялось одновременно кощунством и единственно верным, что можно сделать в жизни.

– Я не хочу, чтобы тебе отстрелили яйца, – сказала Кира. Ее первая улыбка за день.

– Я тоже.

Они просто бродили по проселочной дороге вверх и вниз и говорили не о том, о чем хотели поговорить, и даже в том,

о чем они говорили, не заходили достаточно далеко, чтобы до чего-то добраться. Их разговоры были как та дорога. И день был как та дорога. Пахло сухой глиной. Солнце село. В фонарном свете замелькали черные насекомые.

– Как думаешь, они летят к ней? – спросила Кира.

– Кто?

– Ну все эти ночные жучки. Знаешь, которые липнут к лампам.

– К луне? Летят ли они к луне?

– Да.

– Не знаю.

– Мне интересно. Представляешь, если есть такие жучки где-нибудь не в городе, а в лесу или бескрайнем поле. Сама их природа в том, что они просыпаются ночью, чтобы искать свет, а вокруг ничего нет. Ни одного дорожного фонаря, ни одного окна, ни одной вывески магазина, ни одних фар. Все, что светит, – это звезды и луна. И луна самая большая. Как лампочка. Что, если они летят к ней? Им ведь надо к чему-то лететь. И они не знают, что это не лампа, а огромный камень где-то далеко в космосе. Им кажется, что они могут до нее добраться. Они не знают, что такое расстояние, что такое космос и вакуум, его холод. Пустота. Они просто летят на единственный свет. И они летят и летят, пока не забираются слишком высоко, где их лапки сжимаются, крылья сводит судорогой, и они больше не могут ими двигать и просто падают замертво.

– Бля. Надеюсь, такого не существует. Это было бы грустно.

– Да. Это было бы очень грустно.

Церковь была как все церкви. Может, она чем-то и отличалась, но они не смогли бы увидеть разницу. Она была белой. А бывают красные. Вот все, что они думали, сворачивая к бело-зеленому забору храма, который по навигатору находился к ним ближе всего.

– Ты тоже пойдешь?

– В машине слишком жарко, – сказал Ян.

Внутри никого не было, пока из-за стены не вышла женщина в платке и с ведром. Она поставила его и захромала к церковной лавке. Зайдя за прилавок, она достала из-под него платок и, посмотрев на Киру, несколько раз ткнула пальцем по своей голове.

– Ой, черт, – сказала Кира. – Ой.

Она завязала косынку на черных кудрях, отчего походила теперь на Одри Хепберн, и заговорила шепотом:

– А священника где можно найти?

– Батюшку? – во весь голос спросила женщина.

– Да, батюшку, – прошептала Кира.

– В келье он.

– Это где?

– Пойдем отведу.

Ян помахал Кире, но она не оглянулась и не увидела, и Ян был этому рад. Он остался один. Подошел к алтарю. Задрал голову. С купола на него смотрел Иисус, и Ян не видел в нем ничего, кроме краски, хотя надеялся, что теперь что-то екнет. Нет, ничего. Ян побрел вдоль стен, рассматривая иконы. Одна привлекла его внимание.

Новая икона в деревянной рамке с колоннами. Она была выше Яна. Поседевшая, смуглая женщина держала руки у плоской груди, и от ключиц спускался позвоночник, который было видно спереди. Ее лицо застыло в морщинах от слез, но самих слез у нее больше не было. За ее спиной простиралась пустыня. Женщина глядела Яну в глаза, и от этого взгляда сжимались его внутренности.

Сверху запели молитву. Голос шел будто из самих стен. Красивый, почти ангельский. Ян искал глазами колонки и, не найдя, стал искать что-то другое, что-то, что раз и навсегда изменило бы то, как он смотрит и дышит. Само сердцебиение. Внутри никого не было. Совсем. Ян был единственным человеком. Глаза обожгло. Он зажмурился.

Голос становился громче и светлее. Ян сел на колени на плитчатый пол и задрал голову. Тогда, глянув через строительные леса, он обнаружил, что у церкви есть второй этаж. Мужчина в очках держал бумаги под ярко-желтой лампой и зачитывал с них молитву. Ян оцепенел в прохладе и пустоте.

Женщина довела Киру до входа в келью, постучала по деревянной двери и в ответ на «да-да?» сказала:

– Тут к вам девушка.

– Пусть заходит. – Женщина показала Кире на дверь, а сама пошла обратно.

– Добрый день, – сказал священник.

Он был молодым, наверное возраста Киры, и ударял своей недоступной, ненужной красотой. Кира подумала, что все дело в бороде. Она скрывала худобу и изъяны. И в рясе, которую Кира про себя называла униформой.

– Здравсте. Я Кира.

Она дала священнику обходной лист. Он посмотрел на него, потом на нее. У священника были карие глаза, которые по краям уходили в зеленый.

– Добрый день, Кира. Я отец Николай.

– Можно я вас не буду так называть?

– Можно, – сказал священник. – А как будете?

– Я буду избегать обращаться к вам по имени.

– Ну хорошо.

Они молча смотрели друг на друга.

– Вы тоже хотите поговорить со мной о ребеночке? – спросила Кира.

– Не совсем.

– Ах да. О Боге.

– Нет.

– А о чем тогда?

– О вашей маме.

– Ага?

– Как у вас с ней отношения?

– Нормально. Когда мы с ней не разговариваем, у нас все очень хорошо.

Священник понимающе кивал.

– Вы ее знаете или что?

– Я знаю таких, как ваша мама. Я вижу их. Я говорю с ними. Я слушаю их. И я говорю с такими, как вы.

– Как я? Это кто?

– Люди, которым приходится очень непросто по жизни. Которым кажется, что мир сломан.

– Так можно сказать про любого человека.

– Значит, так можно сказать про вас? – Он добродушно улыбался.

– Этот разговор – что-то обязательное? Я обязана с вами говорить?

– Формально да.

– И как вы относитесь к формальностям?

– В них есть свои плюсы, как и у всего. Благодаря этой формальности у меня есть возможность с вами пообщаться. Разве не здорово?

– Я к тому, что если это просто формальность, то мы ведь уже как бы и поговорили. Значит, я могу идти.

– Конечно, вы можете идти. Но я бы не сказал, что мы с вами поговорили. Вы правда думаете, что это и есть насто-

ящий разговор? У вас такие разговоры с мамой? Конечно, вы не будете ладить, если так друг с другом общаетесь. Как глухой с немым.

– Значит, я могу идти? До свидания.

Кира пошла к двери. Она знала, что не может уйти без подписи или хотя бы самой бумажки, но не могла ничего сделать – она уже шла, и поворачивать обратно сейчас, самой, без какой-либо реакции священника, виделось ей поражением, с которым она, вероятно, и могла бы жить, но не хотела.

– Они не дадут вам сделать аборт, пока я или кто-нибудь еще из епархии не подпишет обходной лист.

Кира остановилась и обернулась. Она испытала облегчение оттого, что священник что-то сказал.

– Серьезно? Теперь вы будете меня шантажировать?

– Я просто хочу, чтобы мы поговорили. Потом я подпишу вашу бумажку. Вы не обязаны отказываться от аборта. Я не могу заставить вас изменить решение. Хочу – но не могу. Это ваше решение. Может быть, я просто сумею помочь вам в чем-то разобраться. Увидеть что-то, чего вы раньше не замечали.

– Это называется давление. Можете как угодно это обставлять, но вы просто пользуетесь уязвимостью женщин, которые попали в трудную ситуацию. Вам должно быть стыдно.

– Вы не первая феминистка, с которой я...

– Почему все считают меня феминисткой? Я просто человек. Женщина. Перестаньте кивать, как будто вы всё пони-

маете. Что вы хотели знать о моей маме?

– Вы ее любите?

– Что это за вопрос?

– Простой вопрос. Ответ «да» или «нет».

– Конечно, я люблю свою маму.

– А мама любит вас?

– Да, конечно. Не так, как я, но да. Мы любим друг друга по-разному.

– И в чем эта разница?

– Как яйцо и курица. Как река и озеро.

– Это как?

– Она меня родила, а я из нее родилась. В этом вся разница. Она мое начало, а я ее конец.

– Понимаю, – проговорил он вместо кивка.

– Я очень сомневаюсь.

Священник показал на стулья у стены, и Кира села вслед за ним.

– Когда вы были ребенком, вы чувствовали мамину любовь?

Кира вздохнула.

– И вот начался Фрейд и вся эта психоаналитическая фигня, – сказала она. – У меня было нормальное детство. Нормальные родители. Мы жили довольно бедно, но нормально. Худшее, что случилось, – это православная школа.

– Там бывает непросто, да. Мне было непросто. Ваши родители понимали, что вам не нравится в школе?

– Конечно. Я им миллион раз говорила.

– Но они все равно оставили вас там учиться?

– Другой не было. Потом мы переехали в город, и я пошла в обычную школу.

– Как они отреагировали, когда вы сказали, что вам не нравится в той школе?

– Нормально. Папа понял. То есть реально понял. Я видела это в его глазах.

– А мама?

– Мама говорила терпеть, потому что другого выбора нет. И что женщина вообще должна быть терпеливой. Терпеть все на свете.

– А какие у вас теперь отношения с папой?

– Никаких. Он умер. – Кира почувствовала, что сейчас заплачет. Она не хотела плакать. Нельзя плакать.

– Мне очень жаль.

– Ага.

– Кира, скажите, почему вы решили сделать аборт?

– Я не планировала этого ребенка.

– Разве такие вещи планируют? Знаете такое выражение: если хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах?

– Мне без разницы. Этот ребенок от человека, с которым я не хочу иметь ничего общего. И я теперь с другим человеком. Видите, почему я не хочу этого ребенка?

– Да, думаю, вижу.

– Отлично. Подпишите, и я пойду.

– Думаю, вы решились на аборт не по той причине, по которой вам кажется. Не потому, что зачали его с другим мужчиной.

– Да ну? А из-за чего? Ну еще из-за того, что я потеряла работу и на данный момент живу буквально в машине. Из-за того, что никогда не смогу позволить себе купить гребаный дом или квартиру. Из-за того, что в мире больше нет ничего постоянного.

Священник молчал, о чем-то размышляя. Киру бесило, что она видела в нем кого-то вроде Ганди.

– Возможно, – наконец сказал он. – Но мне кажется, это не главное. Как вы сами сказали, ребенок станет вашим концом. А вы станете началом. Как ваша мама. Вы боитесь стать ею. Боитесь стать такой же матерью для своего ребенка, какой для вас была ваша мама. Вы боитесь, что просто поможете миру остаться таким же разбитым, каким он был для вас.

– Супер. Дело закрыто. Теперь я могу идти, да?

– Пожалуйста. – Священник подписал обходной лист и вернул его Кире.

Кира пошла к выходу. Здание тряслось, как поезд на повороте.

– Кира, разрешите сказать только последнее. Вам обязательно убивать ребенка, чтобы не становиться своей мамой. Как по мне, вы так только скорее ею и станете. Вы можете просто быть другой. Собой.

Кира уже открыла дверь и обернулась к священнику. Он

расплывался в ее глазах, но она видела свет на его лице, плечах и деревянном кресте на груди.

– Прочь из моей головы!

Они переночевали на парковке торгового центра. Готовить было лень. Ян взял еду из супермаркета, которую нужно только разогреть в микроволновке, но микроволновки не было, и они съели ее холодной. Две упаковки пюре с куриным шницелем. По ощущениям, они будто и не ели, но больше не были голодны.

– Записалась, – сказала Кира.

– На когда?

– На завтра.

– Фига быстро.

Кире ничего не казалось быстрым, но она понимала, что Ян прав и что действительно ей повезло сделать все гораздо быстрее, чем обычно происходит. Ее раздражало не то, что он сказал, а то, что это значило. Ей повезло. Везение и удача несли для Киры другой смысл.

– Да, – сказала она, – повезло.

– Боже храни «Госуслуги».

Ян уже выпил шот виски.

– Весело тебе?

– Я затрудняюсь ответить.

В металлический стакан плеснула жидкость, и Ян предложил Кире.

– Совсем чуть-чуть, – сказала она.

Он налил ей двойную порцию. Она сделала глоток и перелила остальное Яну.

– Ты как? – спросил он.

– Я спать.

Несколько машин стояло в метрах пятидесяти от них. Между ними на переносных стульях сидели подростки и курили кальян. Ян пил и наблюдал за ними, как будто дежурил в патруле, и те ребята были подозрительным шумом в кустах. По ободку алюминиевого стакана виски бегали мошки и совокуплялись. Он прогнал их ладонью, а потом убил одну за другой. Когда подростки уехали, он пошел на их место и встал спиной к фургону. Кира выглянула наружу в тот момент, когда он начал справлять нужду в лужу от газировки или что бы это ни было. Она подумала, что он слишком пьян, чтобы не сделать что-то такое.

Заведующая акушерским отделением посмотрела на подписи в обходном листе и, ничего не говоря, поставила свою.

– Как вы заставили попу подписать?

– Мы просто побеседовали.

– Все просто беседуют. Но они никому не подписывают.

– Не знаю. Мне подписал.

Заведующая смотрела на Киру как на человека, с которым нужно быть осторожной.

– Так, – сказала Кира, – и что дальше?

– Вам позвонят, чтобы назначить дату процедуры.

– Когда?

– Когда будут готовы.

– Это когда?

– Я не могу сказать точно.

– А примерно?

– На следующей неделе. Может, позже.

– Звучит как «никогда».

Что-то щелкнуло в лице заведующей. Не мысль. Скорее целое мироощущение. Она вспомнила, что это с ней надо быть осторожной. Не наоборот.

– Женщина. – Заведующая смотрела на Киру не моргая. – Если я сказала, что вам позвонят, значит, вам позвонят. Идите. Мне работать надо.

Выйдя из кабинета, Кира повернула не туда, откуда пришла. Поначалу это не было очевидно, но вот пузатые женщины пропали, а на диванчиках сидели старухи и смотрели на нее так, словно ей здесь было не место. Как будто она сама этого не знала. Лучше скажите, куда идти. Нигде не было вывески «ВЫХОД». Или была? Разве не эти погасшие зеленые табло привели ее в этот кривой мир? Кира повернулась спросить у бабушек дорогу, но там уже сидел разбухший дед с посохом в руке, оказавшимся при близком рассмотрении стойкой с мочеприемником. Никто не сделает ей ничего хорошего. Никому нет до нее дела. Киру придавила квадратность коридоров. Не худшие коридоры, в которых можно по-

теряться. Стены сверкали новизной. Из пола не торчали эти советские кусочки мрамора, он был упругий и эластичный и казался идеальной дорожкой для долгих прогулок. Кира использовала его по назначению. Почечники. Сердечники. Кашляющие легочники. Она будто листала наглядное пособие по человеческим недугам. Кира проходила мимо бедных и изувеченных, и любовь принимала в ее груди причудливые формы этих исковерканных тел. Все на нее смотрели как на какую-нибудь колибри, и Кира почти перешла на бег. Ей хотелось исчезнуть. Невозможность что-либо сделать, чтобы глобально, фундаментально изменить саму природу вещей, была невыносимой, а исчезновение – сном, облаком, которое развеивается в лазурном небе. Коридор оборвался. Лестница сияла солнцем, и то же табло так же погасше указывало путь. Кира спустилась вниз.

В вестибюле к ней привязался худощавый, жилистый мужчина с острой бородой.

– Ай, красавыца. Татушки классные у тэбя. Все покажешь мнэ, да?

Все в нем было такое типичное, что он не казался реальным человеком, скорее только тенью, но его нос хрустнул, как настоящий, и Кира ощутила этот звук на костяшках кулака.

– Э? – выдал мужчина, глядя, как кровь капает на его ладонь.

Кира продолжила бить без разбору. Мужчина растерянно

попятился, а потом то ли поскользнулся, то ли Кира и правда ударила его так сильно, что он упал. Он не смотрел на Киру. Его ладони обнимали невидимое лицо, и он сидел с открытым ртом, готовясь к поцелую. Уходя, Кира слышала, как мужчина плачет за ее спиной. Отчего-то ей казалось, что на ее теле и одежде его кровь. Кира провела ладонью, но это были слезы. Слезы. И пот.

– Что случилось? – спросил Ян.

Руки Киры побагровели кровью.

– Я кого-то убила.

– Кого? Что?

– Побила. Я имею в виду, побила.

– Заведующую?

– Нет. Какого-то мужика.

– Кто он? Что он сделал?

Кира подняла брови, и ее поблескивающие глаза посмотрели на небо, хотя сами не понимали, что они видят. Ян слышал Кирино дыхание.

– Ты даже не представляешь, насколько все это нерелевантно.

– Ты в порядке?

– Нет. Я не думаю, что я в порядке.

– Поехали отсюда.

– Я не думаю, что я в порядке.

– Море. Поехали на море.

Он аккуратно довел ее до пассажирского кресла – аккуратно по отношению к себе, а не к ней. Что-то в ее виде давало понять, что она может его ударить.

– На море чайки и песок, – говорила Кира. – Можно строить замки и купаться. Я люблю морские закаты. Правда, я не знаю, смогла бы я отличить морской закат от морского расвета.

Ян завел машину, наклонился к Кире и покрутил ручку, чтобы открыть окошко. Кира тянула ремень безопасности, но он только щелкал и не опускался. Ее это, кажется, не раздражало. Она пыталась поймать ритм. Ян взял из ее ладони ремень, дотянул до замка и защелкнул. Кира просто опустила руки и уставилась наружу.

Бородатые мужики в черных футболках выпрыгнули из черной «приоры» и побежали к больнице. Ян проехал мимо их машины, включил поворотник и свернул на дорогу. Радио не играло. Телефон не был подключен. Ян с Кирой слушали ветер и городской шум.

Они разбили лагерь на диком пляже под Туапсе. Местные называли его Хрустальным в честь ручья, который стекал с горы. Берег был в гальке и скользких валунах. Между ними лежали крабы. Туристы надевали плавательные маски и барахтались на волнах, чтобы посмотреть на крабов под водой. Ян занял маску и тоже нырнул. Крабы под водой делали то же, что и на суше. Сидели между камней.

– Это то место? – спросила Кира.

– Да.

– Тот самый пляж?

– Ага.

– Сюда мы и ехали?

Ян кивнул. За несколько дней он обошел всю округу. Люди, которые останавливались ниже по берегу, жаловались, что скала загораживает им утреннее солнце и они не могут загорать в безопасное время, а вечером та же скала загораживает им закат. Те, кто останавливался выше, жаловались на nudистов и других туристов, которые справляли нужду по кустам. На каком-то уровне Ян отдавал себе отчет в том, что это странное место назначения.

– И почему мы сюда хотели?

– Море. Тут море.

– Море везде. Я имею в виду, море большое. Все его по-

бережье – это море. Почему мы хотели именно сюда?

– Я просто нашел эту точку на карте. Сюда приезжают другие вэнлайферы. Может, потусим с кем-нибудь. А что, тебе тут не нравится?

– Да нет. Просто теперь, когда мы здесь, кажется глупым, что всю дорогу мы ехали именно сюда.

– Давай я поищу другую локацию.

– Не надо.

– Но тебе тут не нравится.

– Нет, дело не в этом.

– А в чем?

Кира помолчала, потом улыбнулась:

– Все хорошо. Мне здесь нравится.

– Точно?

– Ага. Пойдешь еще купаться?

Ян зашел вслед за Кирой в воду. Вдалеке был буюк, до которого он обычно плавал. Он видел, как тот вырос сбоку и исчез. В дымке над водой терялись катера. Ян лег на спину. Что-то тяжелое было внутри него, и казалось странным, что он не тонет, а дышит розоватым воздухом. Гаснущей красотой. Он закрыл глаза, и через минуту все стало легким. Простым. Ничего в этой жизни не было сложным.

Соленое солнце щипало глаза. Ян и Кира взяли вяленого леща и баклажки разливного пива, сели на берег и наблюдали закат.

Ее стертые костяшки покрылись коростой. Несколько

дней Кира почти не могла двигать правой кистью, и Ян хотел отвезти ее в травмпункт, но Кира ни за что не поехала бы. Только если бы ей позвонили по поводу операции, но телефон молчал. Боль уже начала стихать, и кисть снова двигалась, значит, это не был перелом.

– Тебе тут нравится? – спросила Кира.

– Да вроде да. А тебе?

– Не знаю.

– Ну это, конечно, не то чтобы курорт.

– Ага.

– Но как будто дело не в самом месте.

– Да-да. В образе жизни.

– Что? Нет, я про то, что мы просто не можем расслабиться из-за всего.

– А.

– А ты про что?

– Не знаю. То есть так ты теперь хочешь жить? Типа, вот так? Вот здесь?

– Необязательно здесь. В том и кайф, что можно ехать, куда захочешь. Я думал, тебе хочется того же.

– Ну да. Просто теперь мы здесь, и я больше не знаю.

Ян глубоко вдохнул.

– Я думаю, – сказал он, – что дело просто в... ну сама понимаешь. Мы просто не можем расслабиться.

– Наверное.

– Может, позвонить в больницу?

– Я думала об этом, но это так не работает. Это они тебе звонят, а не ты им.

– А если они никогда не позвонят?

– Думаешь, они не позвонят?

Именно так Ян и думал, но, прежде чем сказать вслух, заметил последний узкий свет. Солнце заходило, и облака, которые были выше, уже наливались асфальтом, в то время как горизонт еще розовел в протяжной, безграничной легкости, и Ян ощутил в воздухе хрупкость как бы всего сразу.

– Да нет, – сказал он, – должны позвонить. Мы собрали все подписи.

Кира положила голову ему на плечо, и Ян чувствовал, как ей приходится напрягать мышцы, чтобы держать себя в этом положении, том самом, которое должно приносить покой. Что-то надорвалось внутри него. Он не знал, что именно. У него не было привычки анализировать. Когда что-то надрывалось в нем вот так, он воспринимал это как данность. Как еще одну яму на дороге, по которой ты едешь каждый день. Ян был уверен, что люди делятся на два типа: те, кто залетает в эти ямы, и те, кто их объезжает. Он объезжал. Кира ушла в фургон, а он остался допивать пиво.

Когда оно кончилось, он достал виски. Если бы кто-то спросил его, что он делает, он бы, не задумываясь, ответил, что проводит лучшее время своей жизни. Но не было никого, кто бы мог его спросить. Только на соседнем пляже, на другой стороне ручья сидела какая-то компания с собакой.

Они открыли багажник и включили «Любэ». Собака лаяла, а мужчины пели русскую и зарубежную попсу. Ян сидел и не любил их, это было не чувство, а занятие – активно кого-то не любить. Он провел за ним достаточно времени, чтобы увериться, что ни за что не уснет, пока они не заткнутся, и он был достаточно пьян, чтобы сказать им об этом. Даже успел прочистить горло, но просвистели ракеты, и небо вспыхнуло взрывами. Всего на несколько секунд. Потом все погрузилось в ночь. Стало тихо, и тишина не была такой, какая бывает в природе. В ней совсем не было звуков. Только звон, но он был состоянием тела, дрожью перепонки. Это не был звук. Не было звуков. Не было жизни. Казалось невозможным, чтобы что-то когда-то зазвучало снова в этом разорванном мире, но во всей этой черноте разразился мужицкий вопль.

– Мы сильнее всех! Мы сильнее всех! Во-о-о-о-о!

Ян не стал ничего говорить. Вопреки собственным ожиданиям, которые представлялись ему здравым смыслом, улегшись на кровать, он моментально заснул. Ему ничего не снилось. Была только темнота, и он чувствовал ее жар внутри своего тела.

– А!

Кровь толкалась в венах, как если бы кто-то пил ее залпом. Кира слышала глотки под кожей.

– Что? Что такое?

В окошко смотрел бородатый мужчина. Тонированное стекло зеленило его лицо, но даже не по цвету, а по форме можно было различить фингал под глазом. Кира не стала отвечать, потому что не знала, что, собственно, говорить. Ей казалось, если она покажет на него пальцем и Ян посмотрит, он ничего не увидит, и это было страшнее всего.

– О, – сказал Ян, – Эдя.

Ян открыл окошко. Его заспанное лицо было в похмельной припухлости, но изнутри взглядом и голосом пробивалось нечто схожее с тем, что заставляет цветы распускать лепестки на рассвете. Экзистенциальная жизнерадостность.

– Эдуардо, – проговорил Ян глубоким голосом и перешел на нормальный: – Ты че пугаешь?

– Так чтоб не расслаблялся. Время видел? Ты не в Питере, чтобы спать по-питерски. Ой. – Эдя заметил Киру: – Извините, думал, он тут один.

Чем больше Кира на него смотрела, тем меньше он походил на того мужчину в больнице. У них не было ничего общего. Эдя был седой.

Эдя путешествовал с Наталией, своей женой. Ян с Кирой простояли с полчаса возле фургона Эди и Наталии, пока те показывали, куда сунули баки для чистой и серой воды, как организовали себе теплый душ и где установили автономную печь. Между всеми было взаимное уважение, которое основывалось совершенно непонятно на чем.

– А с глазом-то у тебя что? – спросил Ян.

Наталия закачала головой.

– Друзья, – начал Эдя, – видели ли вы когда-нибудь лосиных вшей?

– Нет.

– Они как мухи, только плоские и передвигаются боком. – Эдя продемонстрировал движение, но больше походило на краба.

– Это похоже на краба, – сказал Ян.

– Они цепляются своими клешнями, и фиг их отцепишь.

– Неприятные, да. Отдирать приходится.

– И они еще и бегают боком, – сказал Эдя и снова продемонстрировал крабий бег.

– И пытаются отложить в тебе яйца.

– Отложить яйца?

– Да, они для того и цепляются – чтобы отложить яйца.

– Так, – сказал Ян, – а глаз тут при чем?

– Я рассказываю. Мы вот только с Калевалы. По пути встали на ночевку. Вышли по лесу погулять, и вот я чувствую, что-то приземлилось. Наташа как увидела, бах – врезала мне.

– Да я снять пыталась, а ты прыгать начал.

Эдя с Наталией задержались на пляже на полнедели. Приезжали и другие автопутешественники, и все называли себя вэнлайферами в честь образа жизни, который вели в разной степени, как они сами говорили, трушности. Кто-то жил в машине всегда, кто-то только выезжал на выходные и в от-

пуск. Это были экс-работники ушедших западных брендов, разного рода аййтишники, редкие люди, прямо или косвенно связанные с оборонкой, и такие, как Ян с Кирой. Те, которых сложно к чему-то отнести в обычной жизни, те, кто выпал из нее и теперь жил дорогой, называя домом место, где был припаркован автомобиль. На окошках их кэмперов буквально были наклеены стикеры Home Is Where You Park It.

Наталия сутками работала под маркизой на ноутбуке. По всей видимости, они жили жизнь мечты Эди на ее зарплату в IT-компании. Она была не против. Она сказала, что, если бы не менялся пейзаж и ей все равно приходилось бы сутками пялиться в монитор, она бы совершенно не понимала, зачем ей это делать.

Дни проходили у костра, на котором Ян с Эдей жарили еду в чугунной сковороде.

- Что это за рыба? – спросила Кира.
- Красная, – сказал Эдя. – Никогда не угадаешь какая.
- Выглядит как стейки форели.
- Похоже, да? Я сам когда в первый раз брал, был уверен, что это стейки форели.
- Это не форель?
- Нет.
- А что тогда?
- Селедка. Они просто покрасили ее в красный и назвали красной рыбкой. На вкус ок. Цена красная, а значит, прекрасная. Пока не знаешь, что это не форель, вообще заебись.

На следующий день Эдя с Наталией уехали, и Ян с Кирой снова остались одни. Они пристрастились ходить одетыми на нудистский пляж. Им обоим хотелось увидеть красивую обнаженную женщину. Ни за чем другим, кроме как посмотреть на нее.

– Что-то случилось? – спросила Кира.

– Что?

– Нет, я спрашиваю.

– Не знаю, а что случилось?

– Я не знаю. Я тебя спрашиваю.

– Откуда мне знать, что у тебя случилось?

– Блин, я ни фиги не понимаю. Так случилось что-то или что?

– У кого?

– У меня. Блять. Забей.

Ян развел руками.

– Ладно, – сказал он.

Они проводили на пляже по полдня. Нудисты были либо старыми, либо мужчинами, и чаще старыми мужчинами. У них отвисало все, что только может отвиснуть. Женщина так и не материализовывалась, но Кира продолжала верить, что будет иначе. Они ее ждали. Столько мыслей, столько времени, столько надежд. Как могло быть так, что все это напрасно?

– Ты ведь меня не бросишь?

– Что?

– Я боюсь, ты поймешь, что я тебе не нужна. Найдешь кого-то попроще.

– Нет.

– Почему?

– Я даже не думаю в эту сторону.

Голый старик поднялся с разложенного на камнях полотенца и теперь стоял с распростертыми руками, как будто солнце могло его обнять и унести с собой. Что-то в том, как Ян на него смотрел, заставило Киру подумать, что Ян понимает его так, как она никогда не сможет.

– Мне кажется, та женщина, которую мы ждем, – сказал Ян, – это ты.

Кира покачала головой, но улыбнулась.

Ее завораживало наблюдать за мелкими занятиями, которые находил себе Ян. Он мог час искать палку, потом два часа строгать ее ножом, чтобы получилось копье, бродить с ним несколько дней и в итоге сломать пополам и бросить в костер. Это было причудливо. Забавно. Как смотреть за жизнью домашнего животного. В движениях Яна ощущалась нехватка высшего смысла.

Кира знала этот типаж. Таких людей. Таких, которые не верят, что с чем угодно можно что-то поделать, но все равно постоянно что-то делают просто потому, что им нужно что-то делать.

Глядя на него, Кира не сомневалась, что если не спрашивать себя «зачем?», то вопрос не будет повторяться в голове. Что все происходит в ее голове. Киру тянуло к Яну, потому что с ним она верила, будто может управлять своей жизнью вот так просто, не думая ни о чем. И она старалась ни о чем не думать. Это не она инициировала все эти мысли. Черные силуэты бородатых мужчин сами появлялись в кустах, на берегу, за окошком и даже в фургоне прямо напротив нее. Кира зажмуривалась, и они пропадали. Она не знала, что хуже – то, что они появляются, или то, что они пропадают только оттого, что она моргнула.

Кира стала реже разговаривать. Она будто не была уверена, стоят ли слова того, чтобы открывать ради них рот. Что-то еще было в ее голосе и взгляде. Какое-то недоверие к языку – не конкретно русскому, а самой этой функции, системе смыслов. Может, ничего из этого не относилось к Кире. Может, все это было про него. Ян не мог в этом разобраться. Молчание Киры звучало его голосом.

Все вокруг казалось странным и чуждым. Ян не ощущал принадлежности. Как будто все это происходило наяву, но он только очнулся от снов и как бы застрял между одним и другим. Он уже не помнил, что ему снилось, но явь еще не уложилась в смыслы. Просто дул мокрый ветер, кричали незнакомые птицы. Ему было тревожно, и он сам не понимал от чего.

Его мышцы находились в слабом, но постоянном напряжении. Это не было очевидно, но, поднявшись в фургоне обратно на трассу, Ян ощутил, как все в нем расслабляется – и грудь, и то, что под ней.

У них заканчивались продукты. Кира осталась в лагере. Впервые за долгое время Ян оказался один, и в этом было нечто духовно освобождающее.

Виляя по рядам парковки в поисках свободного места, он чувствовал взгляды прохожих. Жадное присасывание глаз к стенкам фургона. Супермаркет, без всяких сомнений, находился под крышей, и не было необходимости надевать солнцезащитные очки, но Ян все равно нацепил авиаторы и вышел на улицу в своих коротких джинсовых шортах. Что-то невидимое пощипывало волосы на руках, как будто он стоял под высоковольтными проводами. Во рту был алюминиевый привкус. Ян наслаждался этим состоянием, этой аурой крутости, между полок с продуктами, на кассе и по дороге к машине.

На обратном пути он заглядывался на здания. После того, как долго видишь только воду, камни и песок, все эти постройки кажутся причудливыми и невероятными. На одной было написано «ЧАСТНАЯ КЛИНИКА». «Частная клиника, – повторял про себя Ян. – Частная клиника». Он вдруг воодушевился и вместо того, чтобы проехать на перекрестке прямо, развернулся и заехал еще в несколько мест.

– Это что такое? – спросила Кира, когда он приехал.

У него в руках был вянувший букет цветов.

– Я их увидел и захотел привезти тебе.

– Чудесно. Спасибо. – Кира положила букет на раскладной стол.

– Их бы в воду поставить.

– У тебя, что ли, есть ваза?

– В багажнике есть ведро.

Кира зажмурилась, помяла переносицу, потом достала ведро, залила в него воду и поставила букет.

– Не звонили еще? – спросил Ян.

– Я бы сказала.

– Слушай, а что насчет частной клиники?

– Частной?

– Ага.

– Не знаю. Врач что-то говорила про то, что там тоже не получится.

– Да она просто пыталась тебя запугать. В частной клинике не будет всей этой жести. Просто платишь деньги, и все. Никаких вопросов.

– Наверное.

– Ну так что?

– Что?

– Позвонишь?

– Кому?

– В частную клинику.

Кира закрыла глаза и несколько раз глубоко выдохнула,

прежде чем ответить.

– Можно не сейчас? Пожалуйста. Вообще нет сил.

– Да, конечно. Хорошо. Правда, у нас много времени нет.

– Ян.

– Я просто не знаю, вдруг там очередь на запись.

– Очередь на запись?

– Да.

– Я сейчас, в данный момент, конкретно в эту секунду, не готова ничего делать. Если ты так хочешь, можешь позвонить сам.

Он ходил взад-вперед с телефоном у уха, то и дело оборачиваясь к берегу моря. Кира сидела по-турецки и кидала камни, но не боком, а вверх, и те просто плюхались в воду и тонули.

– Мужской голос? Это потому, что я мужчина. Ну, я звоню по поводу женщины. Нет, не жена. А если бы была жена? Ну, мы в браке. Гражданском. Слушайте, погодите. Я просто звоню спросить: делаете вы эту процедуру или нет? А у кого осталась лицензия? Да понимаю я, понимаю. Я просто уже пару часов всем названиваю. У вас когда-нибудь затекла рука оттого, что вы держите телефон? Теперь представьте, что у вас затекла не одна рука, а две. Обе. Все руки. Ну тогда можете меня понять. И вам, и вам.

Ян зашел на сайт следующей частной клиники и, закулив, нажал на телефонный номер. У них тоже закончился срок

действия лицензии.

– Короче, – сказал Ян, подсев к Кире, – все проблемы из-за региона. Если бы мы были в другом регионе, никаких проблем изначально бы не возникло.

– В какой регион надо поехать, чтобы не было проблем?

– Домой. В Марий Эл. Дома такие вещи делать проще.

Кира повернулась к Яну и замерла.

– Нет.

– Почему?

– Там Тамара. Моя мама.

– И что?

– Она все узнает.

– Ничего она не узнает. Как она узнает?

– У нее все эти связи. Я когда пошу что-нибудь в соцсетях, какую-нибудь петицию или репост какой-нибудь новости, ей звонят из МВД.

– Серьезно?

– У нее там друзья. И в больнице есть друзья. Повсюду друзья.

– И что такого, если она узнает?

– Нет, – все, что сказала Кира.

Море плескалось о камни. Первые секунды они обжигали, но потом охлаждались до температуры тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.